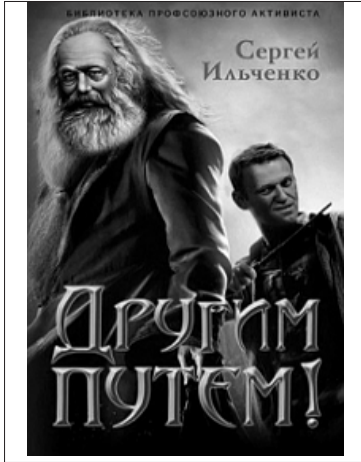

УДК 316.323.73(049.32)
ББК 83.632

Андрей Минаев

В поисках коммунизма

(Рец. на кн.: Ильченко С. Другим путем. Мир придет к коммунизму – это не выдумка Маркса. Сборник статей. («Библиотека профсоюзного активиста») – М.: Книжный мир, 2013. – 320 с.)

Марксизм, вне всяких сомнений, принадлежит к числу тех идейных явлений, влияние которых на историю человечества, с одной стороны, трудно переоценить, а, с другой, практически невозможно точно измерить. Без этого одного из важнейших в истории XIX-XX вв. идейного течения представить себе мировой исторический процесс настолько же сложно, как и без, к примеру, Римской империи или христианства. Будучи исключительно важным компонентом интеллектуального наследия человечества, марксизм снабдил научный аппарат общественных наук значительной частью использующейся донныне терминологии, а партийных лидеров «социалистической»/«коммунистической» направленности - столь популярной у широких слоев населения политической риторикой. Вопрос об ответственности марксизма и персонально К.Маркса и Ф.Энгельса за самые масштабные трагедии XX века также относится к числу наиболее

© Минаев А., 2014

Минаев Андрей Вячеславович - кандидат історичних наук, доцент кафедри історії нового та новітнього часу Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича.

излюбленных на постсоветских телевизионных «ток-шоу», а слово «коммунизм», утратив свое первоначальное значение, стало твердо (хотя и незаслуженно) ассоциироваться с государственной практикой левототалитарных режимов. Казалось бы, о марксизме и коммунизме уже написано всё, что только могут вместить наука и политическая публицистика. И, тем не менее, ежегодно выходят в свет всё новые и новые издания, авторы которых полагают (часто небезосновательно), что им есть, что сказать заинтересованному читателю. Очевидно, вопреки прежним надеждам и иллюзиям, за истекшие после распада «мировой системы социализма» десятилетия социальная несправедливость, политическое неравенство и неравномерность экономического развития никуда не исчезли не только на постсоветском пространстве, но и в странах «образцового» постиндустриального капитализма. И этим в значительной степени обусловлен неумещающийся с годами интерес (как научный, так и общественный) к разнообразным вопросам марксизма.

Рецензируемый сборник под несколько громоздким названием «**Другим путем. Мир придет к коммунизму – это не выдумка Маркса**» принадлежит перу известного молдавского политолога Сергея Ильченко. Представленные в книге работы носят не столько научно-исследовательский (в академическом смысле этого слова), сколько социально-философский и исторический характер, облеченный в преимущественно публицистическую форму (лишь первая, самая крупная из них, содержит ссылки на используемые источники). Одновременно книга, кроме теоретической, имеет и несомненную общественно-политическую направленность (что вполне традиционно для марксистской философской публицистики): издана она в серии «Библиотека профсоюзного активиста» и, как указано в аннотации, в её основу легли статьи, «*обращенные, в первую очередь, к членам независимого профсоюза Захист праці*».

Соединение историсофии с политическими вопросами в одном издании, разумеется, усложняет рецензирование последнего: ведь как анализировать такую книгу, не сведя при этом рецензию к столкновению мировоззрений? С другой стороны, нельзя не признать, что в огромном большинстве исследований главными критериями при определении понятий

«социализм»/«коммунизм» и их сущности выступали, выступают и будут выступать «партийность» (в широком и узком смыслах этого слова), идеологические симпатии/антипатии, ощущение интеллектуального сродства, и, наконец, личные, зачастую на уровне обыденного сознания, представления. По сути, исследование подобных тем позволяет получить представление не столько об исследуемом явлении, сколько о позиции относительно него автора. Несвободен от данных недостатков и сам рецензент, ибо ничто человеческое ему не чуждо. Однако и пройти мимо подобного издания также нельзя, поскольку поднимаемые С. Ильченко вопросы слишком серьезны, предлагают переосмысление в новом ключе мирового исторического процесса, а в некоторых аспектах имеют прямое касательство к переживаемому Украиной в данный момент кризису.

Рецензируемая книга, безусловно, не может не вызвать немало нареканий со стороны представителей различных марксистских и псевдомарксистских течений постсоветского (и не только) пространства. С. Ильченко пытается в чём-то модернизировать марксизм, а в чём-то - привести «букву» теории в соответствие с её же «духом», но, разумеется, в своём понимании, которое весьма отличается от ортодоксального. Нельзя не согласиться с аннотацией к книге в том, что его теоретическое построение *«несомненно, опирается на идеи Маркса – но вместе с тем выходит далеко за рамки их канонического прочтения»* (с. 2). Впрочем, книга вызовет (и уже вызвала) не меньше одобренных отзывов. Поэтому правильнее всего будет воспринимать данный сборник как часть той длительной (то затихающей, то разгорающейся с новой силой в кругах левых интеллектуалов) дискуссии о социальной природе СССР и о рамках применимости марксизма к анализу современных общественных процессов, начатой еще в 20-е годы прошлого века (а в ряде аспектов и того ранее, при Э. Бернштейне). Теоретический материал, накопленный в ходе этой интереснейшей полемики, столь велик, что список изданной лишь в пределах бывшего СССР литературы составил бы не один объемный том, и, тем не менее, есть все основания полагать, что сборник статей С. Ильченко «Другим путем» займет в этом перечне «ищущих коммунизм» достойное место.

Каждая из входящих в сборник работ представляет собой совершенно законченное и вполне самостоятельное произведение, посвященное определенной проблеме (за исключением самой первой статьи, с которой тем или иным образом переключаются все остальные). Первая статья «*Коммунизм: каким ему быть?*» не только, как отмечалось выше, снабжена ссылками на используемые источники и является наиболее крупной (объемом в целых 211 с. из 320), она еще и самая глубокая и сложная с точки зрения излагаемой теории, и, замечу, наиболее контroversионная часть книги. Вторая работа сборника «*Сталин. Мы по-прежнему с ним*», посвящена не только рассмотрению личности бывшего «вождя», анализу мотивов и объективных причин проводимой им политики, но и тому влиянию, которое оказал и продолжает оказывать «сталинский образ» на постсоветское общественное сознание в целом и левое движение в частности. Она также содержит некоторые полемические моменты.

Третья статья «*Новое измерение, в котором нам предстоит борьба*» как по названию, так и по существу прямо адресована общественно-политическим активистам марксистской направленности, и, следовательно, её анализ выходит за рамки научно-профессиональной компетенции историка. Тем не менее, следует отметить, что и там находится немало интереснейших авторских рассуждений относительно особенностей общественного развития современности (например, о структуре современного новостного текста и о специфике социальной жизни и дискуссий в Интернете, с. 257-263), с которыми нельзя не согласиться.

Предпоследняя статья сборника «*Темное время суток*» посвящена описанию и оценке современных российских социальных реалий с последующим политическим прогнозом. Автор приходит к выводу о продолжающейся, вопреки победным реляциям официальных лиц, деградации государственного и общественного организма России и неизбежности его распада. Он констатирует с вполне философской отстраненностью: «*никакой катастрофы здесь и близко нет, а есть лишь естественный ход вещей. Люди, увы, смертны. Страны и народы – тоже*» (с. 291). С этим вполне объективным законом истории, разумеется, трудно не согласиться.

С. Ильченко не называет сроков, однако чувствуется, что неизбежный распад РФ он считает не столь уж отдаленной перспективой. При этом, исходя из переживаемых нами бурных и трагических событий украинской современности, нельзя не восхититься ювелирной точностью и справедливостью некоторых авторских утверждений. Чего только стоит, например, фраза *«Российское телевидение просто разрушающе действует на психику, это вполне однозначный ментальный яд, и это справедливо для всех российских каналов»* (с. 301). Или же более чем верная мысль о том, что главными проблемами в попытках России расширить собственное влияние являются *«психология изоляционизма, синдром осажденной крепости, унаследованный из СССР»* и восприятие ею русских диаспор в СНГ *«в виде пятых колонн, которые в нужный момент поднимут восстание, и будут рукоплескать российским танкам»* (с. 302-303). В конце концов, разве не в этом жители Украины за последние несколько месяцев смогли убедиться воочию и самым непосредственным образом? Следует отметить, что данная работа писалась С. Ильченко еще в 2011 году, что не может не делать чести его тогдашней прозорливости.

Наконец, последняя статья сборника *«США, Ось Мира»*, как явствует из самого названия, представляет собой заметку о месте и роли Соединенных Штатов в становлении и развитии современного глобального мира; тут также уточняются и конкретизируются некоторые положения, изложенные в первой части книги. Не может не подкупать авторский бесстрастно-отстраненный стиль изложения, удачно контрастирующий с эмоциональным, «ругательским» тоном современного антиамериканизма, в который зачастую постсоветские левые публицисты впадают чуть ли не рефлексивно. В любом случае, перспектива того, что в *«системе мироустройства, формирующейся на наших глазах, США занимают положение черепахи, на спину которой должны будут встать слоны, держащие земную твердь»* (с. 319), С. Ильченко совершенно не удручает. Что, в общем-то, правильно: возмущаться объективными историческими процессами - это равносильно недовольству «несправедливыми» физическими законами Универсума.

Отдельное внимание хотелось бы уделить наиболее интересным и, одновременно, наиболее дискуссионным для историков и обществоведов группам вопросов. Можно вычлениить три взаимосвязанных круга таких вопросов: социальная природа СССР и прочих государств «мировой социалистической системы», личность Сталина и авторская философия истории (включая особенности коммунистической формации).

Говоря о социальной природе советских государства и общества, С. Ильченко совершенно точно и аргументировано доказывает, что Октябрьская революция не была и не могла быть социалистической в силу отсталости России и несоответствия реальных предпосылок революции предполагаемым по теории Маркса, поэтому дальнейшее «социалистическое» и государственное строительство представляли собой большевистскую импровизацию (с. 217-219). Партия большевиков, по мнению автора, приступила «к строительству государственно-монополистического капитализма. Точнее, не столько «приступила», сколько последовала за ходом событий, неизбежно вытекавшим из уровня развития России, ситуации, сложившейся за последние пять лет и интересов самой партии, которая на тот момент была единственной властью, и вообще единственной организованной политической силой» (с. 222-223). Данное замечание относительно отнюдь не социалистического характера Октябрьских событий 1917 года и их последствий вполне согласуется как с мнением историков¹, так и с некоторыми утверждениями самих большевистских лидеров (например, еще В. Ленин в свое время заметил, что в октябре 1917 г. было одновременно завершено буржуазную революцию, а Л. Троцкий в одном из писем подчеркивал, что социальное содержание революции с октября 1917 г. до июля 1918 г. «не может быть охарактеризовано как социалистический переворот»²).

Но вот два других центральных авторских положения далеко не бесспорны. Первое из них является утверждением о том, что «в СССР, под руководством правящей партии... сформировался новый правящий класс – та самая номенклатура, которую некоторые горе-марксисты, иной раз даже и читавшие Маркса, но, увы, так и не понявшие его, упорно не хотят признавать классом» (с. 27). Согласно же второму тезису,

СССР был «классовым государством переходного, феодально-капиталистического типа, объединявшим в себе как феодальные, так и капиталистические черты» (с. 47), которое сам автор называет либо «индустриально-патриархальным феодализмом» (с. 42), либо просто «индустриальным феодализмом» (см., напр.: с. 57, 76, 136 и т.д.).

Оба указанных положения представляют собой, так сказать, «больные мозоли марксизма» с более чем длительной историей окружающих их дискуссий.

О бюрократии, как отдельной правящей социальной прослойке в СССР со своими особыми интересами и социальными мотивами одним из первых заговорил еще Л. Троцкий³. Он же охарактеризовал Советский Союз как переходное и «зависшее» между капитализмом и социализмом на неопределенный срок государство и теоретически представил вероятность превращения бюрократии в «новый имущий класс», однако лишь в случае победы в стране «буржуазной контрреволюции»⁴ (непосредственно же современную ему партхозноменклатуру, управляющую «деформированным рабочим государством», никаким новым классом он не считал). В облике же отдельного класса она предстала у М. Джиласа и с той поры выданная им характеристика стала довольно расхожей.

Джилас утверждал следующее: *«Именно бюрократия пользуется и распоряжается всей национализированной и обобществленной собственностью, как она распоряжается и всей жизнью общества. Роль бюрократии в этом обществе, то-есть, принадлежащее ей монопольное управление и распоряжение народным имуществом и народным доходом, ставит ее в особо привилегированное положение. Производственные отношения похожи на те, что свойственны государственному капитализму, тем более, что проведение индустриализации осуществляется не с помощью капиталистов, а при помощи государственного аппарата. Но на самом деле, функцию эту выполняет привилегированный класс, прикрывающийся государственным аппаратом и пользующийся им, как своим орудием.*

Право собственности — не что иное, как право на прибыль и на распоряжение имуществом. Если определить классовые привилегии этим правом, то придется в конеч-

ном счете признать, что коммунистические государства положили начало новому виду собственности и новому правящему и эксплуататорскому классу»⁵.

Аргументацию М. Джиласа практически в точности повторяет и С. Ильченко: *«не суть важно, за кем формально числятся собственность и приобретаемый с её помощью капитал. Важно то, кто ими распоряжается... ...класс «государственно-монополистических» управленцев оказывался вполне себе полноразмерным правящим классом»* (с. 32).

Итак, автор, как уже отмечалось выше, отрицает построение социализма в СССР и прочих странах «мировой социалистической системы». Правда, в отличие от М. Джиласа (и т.н. «госкаповцев»), он считает советский строй не государственным капитализмом, а, напомним, «индустриальным феодализмом».

Вообще-то, понятие «социализм» является очень широким (многозначным и многомерным)⁶ и охватывает, кроме, собственно, марксистской трактовки, самые разнообразные идейные течения социалистической направленности, в том числе, традиционно именуемые «утопическими социалистами», «социалистами-народниками», «мелкобуржуазными социалистами» и пр. (не говоря уже о том, что элементы социалистических идей исследователи находят даже в различных средневековых крестьянско-плебейских ересях). Поэтому в широком значении советский строй, конечно, допустимо именовать социалистическим, помня, разумеется, о том, что к марксистскому пониманию социализма он действительно, как и отмечает автор сборника, не имеет отношения. Кроме того, использование термина «социализм», правомерное в публицистике, при исследовании социальной сути советского общества, безусловно, научно не вполне корректно и уводит в сторону от понимания причин и следствий происходивших там процессов.

Таким образом, несомненно, СССР не был социалистическим (в марксистском значении) государством. Однако предложенный автором термин «индустриальный феодализм» вызывает не меньше сомнений. Собственно, никто и не сомневается в том, что в Советском Союзе в базисе индустриальные элементы перемежались с доиндустриальными, а в надстройке модерн соседствовал с архаикой (в конце концов, сам

В. Ленин выделял в 1921 г. целых 5 различных общественно-экономических укладов, имеющих в России⁷⁾. Дело в другом: насколько оправданно выделение автором отдельной промежуточной формации? Перефразируя высказывание самого С. Ильченко (сделанное по другому поводу) о том, что *«часто происходит смысловая путаница, когда набор инструментов путают с сутью процесса»*, допустимо предположить, что тут автор смешивает набор инструментов и суть явления, построенного с их помощью. Понятие «индустриальный феодализм» можно было бы использовать в отношении некоторых государственных «мобилизационно-модернизационных» методов, например, попыток Петра I осуществить «промышленный переворот сверху» (с демидовскими заводами и приписными крестьянами) или же сталинской индустриализации с её серьезными ограничениями свободного перемещения рабочей силы. Данные мероприятия вполне, кстати, вписываются в рамки политики «этатизма», присущей многим государствам в предвоенные и военные времена. Но постулировать при этом существование отдельной промежуточной между феодализмом и периферийным капитализмом «индустриально-феодальной» общественно-экономической формации вряд ли правомерно. В конце концов, из исторического факта сосуществования на территории США индустриального капитализма и плантационного рабства никак не явствует, что там была некая промежуточная «рабовладельческо-капиталистическая» формация.

Теперь вернемся к тезису «номенклатура - новый класс». Известно, что классовая структура в СССР, в силу особенностей его социально-экономического развития, была сильно размытой. А вот сословная (не формально, но фактически), очевидно, существовала в более определенном виде (частично унаследованном от Российской империи, частично сформировавшемся в ходе революции и Гражданской войны). Кстати, сам автор называет «номенклатурное» чиновничество близким *«к институту личного дворянства»* (с. 234), что лишним раз подтверждает его сословный характер. Впрочем, возможно, следует привести иную, более близкую аналогию: китайские «шэньши». Данное сословие (одно из четырех сословий императорского Китая) формировалось на основе системы государственных экзаменов, успешная сдача которых давала

право на занятие чиновничьих должностей; «шэньши» в то же время были хранителями официальной конфуцианской идеологии, имели собственные ритуалы и представляли собой результат, в значительной степени, «социального лифта» в китайском обществе. Изображать их в виде части класса феодалов (как практиковалось в советской учебной литературе, называвшей «шэньши» «помещиками» или «феодалами») явно безосновательно.

Кстати, вполне справедливо критикуя т. н. «пятичленку» как упрощенное теоретическое построение Каутского и Плеханова, вошедшее в советскую политэкономику, автор, тем не менее, (по собственному же признанию) основывает свою «индустриально-феодальную формацию» на многих её положениях (с. 182-185). Однако, следует заметить, что дискуссии относительно «азиатского способа производства», прошедшие, начиная с 20-х гг. прошлого века, дали возможность многим современным обществоведам-марксистам избавиться от присущего «пятичленке» положения об «универсальности» европейского феодализма. Например, справедливо критикуемый со стороны С. Ильченко за введение в оборот неудачного понятия «суперэтатизм» (с. 184) А. Тарасов высказал достаточно продуктивное предположение о существовании своего рода «парных» формаций, где одна часть пары присуща западному общественному развитию и характеризуется наличием частной собственности на средства производства, а другая, - соответственно, странам Востока и отличается преобладанием государственной собственности⁸. Отмечая определенный схематизм данной концепции и, соглашаясь с тем, что термин «суперэтатизм» действительно неудачный, громоздкий и не раскрывающий сути явления, хотелось бы, тем не менее, отметить, что подход А. Тарасова представляется рецензенту более продуктивным, нежели слишком расширительное толкование феодализма. Собственно, пример с очевидными социальными параллелями между советской партхозноменклатурой и китайскими «шэньши» указывает на это достаточно явственно.

Вторым из наиболее важного круга вопросов, рассматриваемых в книге, является, несомненно, роль личности Сталина в происходящих в годы его правления процессах, а также влияние «сталинского образа» на современное общественное сознание. Вне всяких сомнений, Сталин (сакрализованный

сторонниками, демонизированный противниками, но при этом предельно мифологизированный и первыми, и вторыми) продолжает и сегодня довлеть над обществом, заставляя его рассматривать опыт построения СССР и «мировой социалистической системы» сквозь призму представлений о целях и результатах деятельности этого государственного деятеля.

Пытаясь отстраниться равным образом от сталинистов и антисталинистов, С. Ильченко выбирает «третий путь» и, в результате, рассматривает Сталина не как личность, а как своего рода социальное «зеркало», отражающее и выражающее интересы советской элиты и совокупность проводимой ей социальной политики. В отношении автора к «отцу народов полностью проявляется характерный для классического марксизма взгляд на роль личности в истории: *«Сталин всегда выражал коллективную волю тех, кого он, якобы, вел за собой... был, по сути, персонифицированным портретом сначала большевистской партии – притом, отнюдь не застывшим, а изменявшимся по мере изменений самой партии, а затем и всего советского общества, его концентрированным выражением и отражением»* (с. 214-215).

Разумеется, было бы несправедливым утверждать, что в такой позиции автора отсутствует рациональное зерно. Отнюдь, во многом соображения С. Ильченко, высказанные им относительно персоны Сталина, имеют под собой веские основания. Действия любого правителя, каким бы диктатором он ни был, ограничены определенными рамками и подчиняются логике борьбы за захват и удержание власти, а, значит, он просто обязан учитывать мнение социальных кругов, на которые опирается (независимо от того, осознанно он это делает или инстинктивно), и в этом контексте вполне допустимо считать, что он «выражает их волю». Кроме того, правитель ограничен еще и рамками доминирующего в обществе мировоззрения, выйти за которые (по крайней мере формально) не может без риска оказаться во внутренней изоляции, особенно если речь идет об обществе идеократическом. Всё это относится к Сталину в такой же мере, как и к другим правителям: отмеченные С. Ильченко опора на рожденную в годы гражданской войны партийно-хозяйственную номенклатуру при одновременном ограничении

её appetites, стремление милитаризировать и модернизировать страну под видом строительства социализма вполне согласовываются с главной целью, повторим, любого правителя в истории - сохранить государство и укрепить свою власть над ним.

Однако, в публицистическом запале автор утрирует собственную мысль, утверждая, что «за свое возвышение Сталин заплатил отказом от политической индивидуальности» (с. 216). Таким образом, роль Сталина сводится к некой «функции своего окружения» (с. 287), что является явным преувеличением. Вообще-то данная мысль отнюдь не нова: она принадлежит еще одному из самых первых критиков сталинизма - Л.Д. Троцкому⁹, для которого, при всей действительной значимости проделанного им анализа, свойственна была явная недооценка фактора сталинской личности. Впрочем, дело ведь не только в Сталине. Мы знаем массу исторических примеров тому, что правитель, обладающий диктаторским набором полномочий, способен на вполне автономные от интересов породивших его слоев действия. Например, и Наполеон, и Гитлер продолжали вести изнуряющую общество войну вопреки мнению крупной буржуазии (а Гитлер, к тому же, периодически «просеивал» её представителей сквозь сито концлагерей). Разумеется, можно объяснить такое их «своеволие» чрезвычайными обстоятельствами и предположить, что рано или поздно оно было бы пресечено, как пишет автор, «удушением гвардейским шарфом или ударом табакеркой в висок», но это не более, чем допущение. Что касается Сталина, то большая часть его правления как раз и выпала на чрезвычайные обстоятельства (возникшие объективно или созданные искусственно - не столь важно). Допущением является и авторская мысль о том, что «Сталин в какой-то момент попытался встать над породившей его силой, и был этой силой уничтожен» (с. 287): многочисленные «фольк-исторические» утверждения об убийстве Сталина вследствие заговора окружения («а-ля Э. Радзинский») - не более чем бездоказательные конспирологические теории в чистом виде.

Следует отметить, что С. Ильченко, пожалуй, прав в том, что «ничего другого, кроме партии образца 1937 года на базе того, чем располагали большевики, создано быть не могло в принципе»(с. 238). Однако его утверждение о том, что «при-

кинув вероятные альтернативы Сталину, приходится признать, что его приход к власти был, пожалуй, наилучшим из всех возможных сценариев. Во всех других случаях все могло быть примерно так же, но только намного хуже» (там же) вряд ли можно считать обоснованным. Во-первых, потому, что оценочные суждения «лучше/хуже» вряд ли применимы к историческому процессу (для кого лучше? для кого хуже?), а, во-вторых, поскольку вопросами из разряда «что было бы, если бы?» занимается не история, а ненаучная фантастика. В конце концов, если, по мнению автора, Сталин представлял собой лишь «функцию своего окружения», то какие у нас основания полагать, что такой функцией не мог бы стать кто-либо из его политических соперников?

Наконец, третьим важнейшим кругом вопросом, рассматриваемым в сборнике «Другим путем», является та часть историософской концепции С. Ильченко, в которой изложено авторское понимание сути и способа формирования коммунистической формации, а также определение класса-«могильщика капитализма».

Тут стоит заметить, что традиция изыскания альтернативного пролетариату «гегемона будущих классовых битв» имеет довольно длинную историю. В западном марксизме поиск нового «революционного класса» стал следствием того, что, начиная с 50-х – 60-х гг. XX в. общество стран Запада столкнулось с кардинальными изменениями научно-технического характера, принесшими не только сдвиги в социальной структуре населения, но и трансформацию самого характера труда (НТР, автоматизацию, компьютеризацию производства и быта и т.д.). Одним из первых мысль о том, что в «обществе потребления» буржуазия и пролетариат перестали быть антагонистами, поскольку одинаково заинтересованы в сохранении status quo, высказал еще видный представитель Франкфуртской школы Г.Маркузе¹⁰. Соответственно, с того времени и начались усиленные поиски «агента революционных преобразований»: его искали в студентах вузов, социальных маргиналах, этнических меньшинствах и т.д. После распада СССР к поиску присоединились и марксисты постсоветского пространства, удрученные фактическим исчезновением классического промышленного пролетариата, его растворением в новой социальной структу-

ре общества (на Западе - постиндустриального, в странах СНГ практически вернувшись на какое-то время к доиндустриальному). Начали высказываться мысли о том, что пролетария во главе мирового революционного процесса может заменить т. наз. «либертарий» - человек наёмного труда в целом (т.е. не «наёмный рабочий», а «наёмный работник»). Как писал в конце 90-х гг. придерживавшийся этой точки зрения украинский левый интеллектуал В. Кизима, *«в сфере отношений наёмного труда находятся рабочий и инженер, менеджер и профессор университета, медицинский работник и конторский служащий. Современный разнородный и текучий в своей изменчивости социальный мир опирается на наемный труд как на объединяющую свою основу»*¹¹. Но, тем не менее, сложно было предположить, что «наемные работники» со временем могут сформироваться как единый класс: несомненно, между «рабочим и инженером, менеджером и профессором университета, медицинским работником и конторским служащим» существуют огромные различия как в социальном положении и статусе, так и в социальных интересах.

Стремительное вхождение западного капитализма в постиндустриальную/информационную эпоху, сопровождаемое процессами глобализации (не будем сейчас выяснять, что тут первично, а что вторично) вызвало у марксистов понимание того, что ныне существующие классы/социальные прослойки не могут примерять на себя роль «революционного пролетариата будущего», но, не исключено, что кто-либо из них может выступать в качестве «зародыша» оного. Сам же он может сформироваться лишь вне системы господствующих социальных отношений (так утверждают, к примеру, уже упомянутый А. Тарасов и сам автор рецензируемой книги). Кстати, А. Тарасов же и высказал допущение, что *«знание, став основной производительной силой, неизбежно уничтожит индустриальный способ производства. ... автоматизация и компьютеризация вытесняют человеческий промышленный труд (даже высококвалифицированный) и понуждают работников переходить к высокоинтеллектуальному творческому труду... исчерпав экстенсивный путь развития, капитализм вынужден будет сосредоточиться на интенсивном. Это повлечет за со-*

бой формирование интеллигенции как массового общественного класса – класса работников умственного труда, который капитализм постоянно будет пытаться превратить в класс наемных работников умственного труда»; именно этот класс, собственно, и станет впоследствии «гегемоном мировой социалистической революции»¹².

В данном контексте взгляды С. Ильченко весьма близки к идеям А. Тарасова; последний, правда, не дает точного названия этому новому «классу наемных работников умственного труда», тогда как С. Ильченко довольно креативно (прошу прощения у читателей за невольный каламбур) называет его «креативным классом»; образуют же его «пролетарии, занятые в интеллектуальном производстве» (с. 143-145). Автор развивает известный тезис Г. Маркузе, высказывая мнение о том, что *«буржуазное государство есть инструмент компромисса двух классов капиталистического общества: буржуазии и пролетариата»*, которые, хоть и ведут между собой борьбу за усиление позиций, но, тем не менее, выступают *«как союзники в борьбе против любой третьей силы, покушающейся на капиталистические отношения как таковые»* (с. 150-151). Соответственно, условием для перехода к коммунистической формации будущего, *«является наличие многочисленного, экономически значимого, и максимально глобализированного креативного класса, осознавшего свою классовую сущность, свои интересы, и свою несовместимость с капитализмом»* (С. 147).

Воззрения автора на будущую коммунистическую формацию оказываются, как и отмечалось в аннотации к книге, весьма отдаленными от классических марксистских представлений о ней. С одной стороны, нельзя не отметить, что автор тут выступает даже большим диалектиком, нежели сам Маркс. Коммунизм С. Ильченко - это отнюдь не рай, лишенный классовой борьбы и внутренних противоречий, а совсем наоборот. Переход к коммунизму осуществляется через социализм как общество диктатуры пришедшего к власти «креативного класса» над «не-креативным»; впрочем, и при самом коммунизме прекращения классовой борьбы не предвидится (с. 166-170). Тем самым автор фактически

благополучно разрешает давний спорный вопрос марксизма относительно источника общественного развития при «бесклассовой» и «бесконфликтной» коммунистической формации: ведь развитие в отсутствие диалектического единства и борьбы противоположностей невозможно.

Однако, с другой стороны, сам тезис автора относительно того, что *«при коммунизме возможно существование только двух классов: креативного, то есть, задействованного в интеллектуальном производстве и осуществляющего диктатуру – и не-креативного, то есть, по каким-то причинам, исключенного из процесса интеллектуального производства, и, как следствие, неизбежно ограниченного в политических правах»* (с. 172), представляет собой очевидное допущение, основанное на экстраполяции некоторых существующих сегодня тенденций общественного и технологического развития стран постиндустриального капитализма.

Вообще главным недостатком долгосрочных прогнозов и футурологических концепций, основанных на экстраполяции неких существующих трендов в будущее, является то, что они крайне редко воплощаются в жизнь. Как остроумно заметил российский писатель и философ-футуролог А. Столяров, *«существует три вида будущего: будущее, в котором хочется жить..., будущее, в котором жить не хочется..., и будущее, о котором мы ничего не знаем. Так вот, если первые два вида будущего представляют собой типичное «продолженное настоящее»* (а под «продолженным настоящим» он подразумевает и «ближкое будущее», и «недавнее прошлое» - т.е. это *«такое состояние развивающейся системы, при котором принципиальных структурных изменений не происходит»*. - А.М.)..., *то третий вид будущего, «о котором мы ничего не знаем», это и есть реальное будущее, новый непостижимый мир...»*¹³. Будущее у Столярова - это *«такое структурное состояние развивающейся системы, которое принципиально, до полной несовместимости отличается от предшествующего»*¹⁴.

Так вот, если принять терминологию и признать хотя бы относительную справедливость утверждений А. Столярова (а эмпирический опыт человечества предполагает именно это), то следует согласиться, что коммунизм как общественная формация

(если отбросить сомнения в его возможности) - это именно столаровское «Будущее», которое будет кардинальнейшим образом отличаться от того «Продолженного Настоящего», в котором существует наше поколение. В таком случае чрезвычайно трудно предсказать, какие из посеянных сегодня семян дадут всходы, а каким не хватит сил подняться над каменистой почвой.

Тем более, что сам автор сборника совершенно не исключает, что, быть может, *«капитализму удастся продлить свое существование не на десятки даже, а на сотни, возможно, и на тысячи лет – и такой прецедент длительной и практически полной остановки технологического развития тоже известен в человеческой истории»* (с. 165). Отмечу, что консервация технологий на столь длительный срок при нынешнем научно-техническом уровне развития цивилизации сомнительна из-за ограниченности имеющихся на планете невозполнимых природных ресурсов (за остановкой, скорее всего, последует неминуемый и быстрый регресс). Если же говорить о вероятности консервации капиталистических общественных отношений без торможения технологического развития (что более правдоподобно), то, допуская её в принципе, можно также предположить, что за это время и технологии, и социальная структура капиталистического общества подвергнутся даже более существенным переменам, нежели за истекшие столетия (причем вовсе необязательно в направлении, предсказанном автором книги). Следовательно, предположения о том, что экстраполяция сегодняшних тенденций и явлений даст нам объективную картину будущего, очевидно, недостаточно основательны. И, с этой точки зрения, отметим шутя, можно вообразить с более или менее равной долей вероятности существование в Будущем разделения общества не только на «креативный»/«не-креативный» классы, но и на, к примеру, «физиков»/«лириков», карсаковских «текнов»/«триллов» и т.д., и т.п. вплоть до уэллсовских «эллов»/«морлоков».

Подводя черту под столь затянувшейся рецензией, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на все ремарки (которые следует воспринимать скорее как размышления на предложенные автором сборника темы, чем как замечания) книга С. Ильченко имеет очевидные достоинства. Сборник являет-

ся попыткой преодоления чрезмерно затянувшегося кризиса марксистской теории (и левого движения на постсоветском пространстве в частности). В связи с этим обстоятельством, включенные в книгу статьи могут рассматриваться как определенный итог многолетней внутримарксистской полемики относительно ключевых проблем прошлого и современности, своего рода авторский синтез главных её последствий, и представляют собой результат последовательного применения марксистского аналитического метода к рассмотрению важных контroversионных вопросов. Упомянутые же в рецензии упущения связаны, скорее всего, либо с абсолютизацией применяемого метода, либо с характерной для публицистического жанра склонностью к гиперболизации.

В общем же, *«Другим путем»* в какой-то мере повторяет характерный для марксизма в целом недостаток: отличный анализ процессов и тенденций современности сопровождается, тем не менее, схематичностью и недостаточной убедительностью в описаниях грядущего коммунистического мироустройства. Обусловлен этот недостаток вполне объективным обстоятельством: особенностью рассматриваемого предмета исследования - коммунизма как общественной формации, т.е. умозрительной теоретической конструкции. Поэтому практически то же самое можно сказать в адрес работ любого теоретика, «ищущего коммунизм» за последние полтора столетия.

Примечания:

¹ См, напр.: Сич О.І., Мінаєв А.В. Жовтень 1917 р.: переворот чи революція? (матеріали наукового семінару кафедри історії нового та новітнього часу, 23 жовтня 2007 р.) // Історична панорама: Збірник наукових статей ЧНУ. Спеціальність «Історія». – Чернівці: Видавництво Чернівецького національного університету імені Юрія Федьковича «Рута», 2007. – Випуск 5. – С. 122-135.

² Троцкий Л.Д. Письма из ссылки. 1928. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. – С. 29.

³ Троцкий Л.Д. Преданная революция. – М.: НИИ культуры, 1991. – 256 с.; Троцкий Л.Д. Сталин. Т II. / Под ред. Ю. Фельштинского. – М.: «Терра-Тегга» - Политиздат, 1990. – С. 221.

⁴ Троцкий Л.Д. Преданная революция. – С. 210.

⁵ Джилас М. Новый класс. - Нью-Йорк: Издательство Фредерик А. Прегер, 1961. - С. 50.

⁶ Мінаєв А.В. Генеза та розвиток соціалістичних ідей в ХІХ – на початку ХХІ ст. (короткий історичний огляд) // Історична панорама: Збірник наукових статей ЧНУ. Спеціальність «Історія». – Чернівці: Видавництво Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича «Рута», 2007. – Вип. 4. – С. 121-123.

⁷ Ленин В.И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin001.htm>

⁸ Тарасов А. Суперэлитизм и социализм / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_102.html

⁹ Троцкий Л.Д. Иосиф Сталин. Опыт характеристики // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М.: Политиздат, 1990. – С. 409.

¹⁰ Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального общества.- М.: REFL-book, 1994. – С. XIV-XV.

¹¹ Кизима В. Из тисков глобальной бандократии и найма в мир социальной справедливости и человеческих реализаций // Вибір. – 1997. - № 1-2. – С.98-99.

¹² Тарасов А. Указ. соч.

¹³ Столяров А.М. Освобождённый Эдем / А.М. Столяров – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Terra Fantastica, 2008. – С. 69, 76-77.

¹⁴ Столяров А.М. Указ. соч. - С, 68.

Минаев А.В.

Надійшла до редколегії 14.04.2014 р